

Трансграничное банкротство: понятие, основы правового регулирования, практика правоприменения

И. В. Кирюшина¹, Е. Ю. Коваленко²

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹kirushina_ira@mail.ru, ²ekov_@mail.ru

В условиях интернационализации экономики разных стран, когда несостоятельный должник и кредиторы имеют разную национальную принадлежность, либо имущество несостоятельного должника, на которое обращается взыскание кредиторов, находится в разных странах, различия национальных систем правового регулирования несостоятельности являются серьезным препятствием для разрешения вопросов, связанных с признанием должника банкротом и удовлетворением требований кредиторов. Попытки унификации международно-правового регулирования отношений трансграничной несостоятельности, предпринимаемые в течение длительного времени, не увенчались успехом, что заставляет государства искать иные выходы для разрешения коллизий, возникающих в процессе применения норм банкротного законодательства различных правовых порядков.

Авторами анализируются сложившиеся в отечественном правовом порядке подходы к трансграничным банкротствам, в том числе с учетом правоприменительной практики последнего времени. Исследуется вопрос об определении юрисдикции в деле о банкротстве иностранных юридических лиц в Российской Федерации. Российские суды применяют концепцию центра основных интересов должника при трансграничном банкротстве не только иностранных граждан, но и иностранных юридических лиц. На основе проведенного анализа предложено уточнение традиционного понятия трансграничной несостоятельности (банкротства) как отношений, возникающих в процессе признания лица банкротом, осложненных иностранным элементом в виде находящихся на территории нескольких государств активов российского должника или участия в деле о банкротстве российского должника иностранных кредиторов, а также банкротства иностранного должника, основная деятельность и имущество которого находятся в России, на основе принципа тесной связи с государством применимого права.

В статье рассматриваются такие проблемные аспекты трансграничной несостоятельности, как понятие трансграничной несостоятельности, вопросы определения основной и вторичной юрисдикций, возможность существования параллельных разбирательств, концепция персонифицированной конкурсной массы. Исследуется проблема оспаривания сделок должника в рамках трансграничного банкротства, в частности вопросы применимого статута и соотношения сферы недействительности сделок и сферы несостоятельности (банкротства). Решение указанных проблем видится в рамках трансформации доктрины и институтов трансграничной несостоятельности.

Ключевые слова: трансграничное банкротство, статут несостоятельности, *lex fori concursus*, применимое право, коллизионное регулирование, банкротный туризм, оспаривание и признание недействительными сделок должника.

Cross-Border Bankruptcy: Concept, Fundamentals of Legal Regulation, Law Enforcement Practice

I. V. Kiryushina¹, E. Y. Kovalenko²

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹kirushina_ira@mail.ru, ²ekov_@mail.ru

In the context of the internationalization of the economies of different countries, when the insolvent debtor and creditors have different nationalities, or the property of the insolvent debtor, which is being foreclosed on by creditors, is located in different countries, differences in national systems of legal regulation of insolvency are a serious obstacle to resolving issues related to the recognition of the debtor as bankrupt and satisfaction of creditors' claims. Attempts to unify the international legal regulation of cross-border insolvency relations, undertaken for a long time, have failed, which forces countries to look for other ways to resolve conflicts arising in the process of applying the norms of bankruptcy legislation of various legal systems.

The authors analyze the approaches to cross-border bankruptcies that have developed in the domestic legal order, including recent law enforcement practice. The issue of determining jurisdiction in the bankruptcy case of foreign legal entities in the Russian Federation is being investigated. Russian courts apply the concept of the center of the debtor's main interests not only to the cases of cross-border bankruptcy of foreign citizens, but also to foreign legal entities. The authors investigated the issue of determining jurisdiction in the bankruptcy case of foreign legal entities in the Russian Federation. It is proposed to clarify the traditional concept of cross-border bankruptcy as a relationship arising in the process of declaring a person bankrupt, complicated by a foreign element in the form of assets of a Russian debtor located on the territory of several countries or participation of foreign creditors in the bankruptcy of a Russian debtor, as well as bankruptcy of a foreign debtor whose main business and property are located in Russia or on the territory of several countries, the whole idea based on the principle of close contact with the country of applicable law.

The article examines such problematic aspects of cross-border insolvency as the definition of cross-border insolvency, the issues of determining primary and secondary jurisdictions, the possibility of parallel proceedings and the concept of a personified bankruptcy estate. The problem of challenging the debtor's transactions in the framework of cross-border bankruptcy is investigated, in particular, the issues of applicable legislation and the ratio of the sphere of invalidity of transactions and the sphere of bankruptcy. The conclusion is made about the need to transform the doctrine and institutions of cross-border insolvency.

Key words: cross-border bankruptcy, statute of insolvency, *lex fori concursus*, applicable law, conflict of laws regulation, bankruptcy tourism, contesting and invalidation of debtor's transactions.

Неспособность лица погасить свои долговые обязательства, подтвержденная, в частности, судом, именуется в частноправовых отношениях несостоятельностью. В ряде случаев имеет место смешение категорий несостоятельности и банкротства. Между тем банкротство есть, что немаловажно, одно из проявлений и юридических последствий несостоятельности. Для целей настоящего исследования данные термины используются как равнозначные.

Вопрос о трансграничном банкротстве возникает в ситуациях, когда имущество должника находится в разных юрисдикциях, либо должник и кредитор имеют разную национальную принадлежность. Еще в прошлом столетии можно было говорить о том, что проблема трансграничного банкротства лишь набирает обороты. Сегодня же, в условиях глобализации и расширения сотрудничества между странами, это объективная реальность. Встречаются далеко не единичные случаи такого банкротства. И тот факт, что они имеют тенденцию к увеличению, а круг их участников постоянно расширяется, свидетельствует о том, что проблема трансграничного банкротства является актуальной. Многие крупные российские компании имеют сложные корпоративные структуры, большая часть которых расположена за пределами Российской Федерации, поэтому проблема правового регулирования трансграничной несостоятельности становится для них особо актуальной.

В международном частном праве явление трансграничной несостоятельности (банкротства) рассматривается как институт, который является самостоятельным и обладает одновременно и материально-правовыми, и процессуально-правовыми элементами.

Трансграничная несостоятельность заключается в юридической связи между правопорядком двух и более государств, законодательство о банкротстве которых имеет определенные отличия. В результате этого возникает необходимость в решении вопросов, связанных с определением применимого права; согласованием производств по делу о несостоятельности, возбужденных в различных государствах; с признанием производства, возбужденного на территории другого государства; с исполнением судебных решений и иных актов, принятых в деле о банкротстве, на территории иностранных государств. До настоящего времени в законодательстве и судебной практике различных государств не выработано единого решения данных вопросов.

Легальное определение трансграничной несостоятельности в настоящее время отсутствует. Классически трансграничное банкротство понимается как банкротство, осложненное иностранным элементом. В качестве иностранного элемента для целей квалификации банкротства как трансграничного могут выступать: иностранный по отношению к должнику кредитор, участвующий в деле о банкротстве, активы должника, в отношении которого у него имеются вещные права, а также иностранное по отношению к должнику контролирующее его лицо [Трутников 2006: 155-156].

При наличии в деле о банкротстве иностранного элемента важно определить юрисдикцию (какому суду данное дело подсудно), а следовательно, и применимое право (право какого государства подлежит применению). Один из основополагающих принципов трансграничной несостоятельности – применимое право определяется на основе правила *lex fori concursus* – право суда места открытия производства (за некоторыми исключениями). Следовательно, первый вопрос, который подлежит решить истцам и суду: суду какого государства подсудно данное дело, где должно быть открыто конкурсное производство.

В российском праве, а также в законодательствах других стран не имеется специальной коллизионной привязки, которая бы давала ответ на вопрос о признании лица несостоятельным. В такой ситуации суды вынуждены руководствоваться общими положениями процессуального и материального права Российской Федерации.

В отечественном законодательстве вопрос о возможности рассмотрения спора российским судом на основе российского законодательства прямо решен только применительно к ситуации, когда иностранное лицо является кредитором. В таком случае закон РФ подлежит применению, если иное не установлено международным договором

Российской Федерации (п. 5 ст. 1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», далее – Закон о банкротстве) [Федеральный закон 2002].

В отношении иностранного должника юридического лица такой оговорки нет. В этой связи традиционно российские суды не рассматривали дела о банкротстве иностранных юридических лиц, указывая, что заявление о признании должника банкротом должно подаваться по месту его нахождения со ссылками на ст. 33 Закона о банкротстве. Даже в отношении представительств иностранных компаний, действовавших на территории Российской Федерации, суды отказывали в принятии исков о банкротстве, указывая, что представительства не являются самостоятельными юридическими лицами [Определение Верховного Суда Российской Федерации 2018].

Однако в мае 2022 г. Арбитражный суд Челябинской области впервые признал иностранное юридическое лицо Pandora consulting LC, которое было зарегистрировано на острове Сент-Китс и Невис, банкротом в России. Вышестоящие судебные инстанции подтвердили такую возможность, обосновав это ведением лицом основного бизнеса в России, указав на принцип тесной связи должника с Россией [Постановление Арбитражного суда Уральского округа 2022; Определение Верховного Суда Российской Федерации 2023]. В настоящее время суды, рассматривающие аналогичные споры, в обоснование допустимости банкротства в России иностранных юридических лиц ссылаются на определение Верховного Суда РФ по делу Pandora. В «группу риска» попали иностранные юридические лица, зарегистрированные в «офшоре», основная деятельность и имущество которых находятся в России.

Для физических лиц, которые не являются гражданами Российской Федерации, возможность проведения процедуры банкротства в российском суде определялась отечественными судами по-иному. Поскольку территориальность для физических лиц определяется местом их проживания, а не на основе гражданства, возможность возбуждения дела в российской юрисдикции признавалась судами. Примером является дело гражданина Германии Брискина, признанного банкротом российским судом [Решение Арбитражного суда города Москвы 2016].

Российские суды при определении надлежащей компетенции в деле о банкротстве стали применять концепцию центра основных интересов должника (принцип COMI – center of main interests of the debtor) при трансграничном банкротстве не только иностранных граждан, но и иностранных юридических лиц.

Отмеченное требует уточнения традиционного понятия трансграничной несостоятельности (банкротства) как отношений, возникающих в процессе признания лица банкротом, осложненных иностранным элементом в виде находящихся на территории нескольких государств активов российского должника или участия в деле о банкротстве российского должника иностранных кредиторов, а также банкротства иностранного должника, основная деятельность и имущество которого находятся в России, на основе принципа тесной связи с государством применимого права.

С учетом положительного решения вопроса о возможности возбуждения дела о банкротстве иностранных юридических лиц по месту нахождения основных интересов должника, требует корректировки и подход к вопросу о том, обладают ли иностранные суды правом возбуждения и рассмотрения дел о банкротстве в отношении российских юридических лиц по заявлениям иностранных кредиторов, например в случае нахождения их имущества за рубежом.

Согласно ранее обосновываемой судами позиции, ответ на данный вопрос был отрицательным: иностранные кредиторы должны обращаться в российские суды, обладающие исключительной компетенцией по рассмотрению такой категории споров. Однако, исходя из складывающейся судебной практики признания российскими судами своей компетенции применительно к банкротству иностранных лиц, ответ на данный вопрос не представляется столь однозначным [Ярков 2023: 52-64].

Критерии центра основных интересов были сформулированы в «деле Пудова». О наличии центра основных интересов на территории РФ свидетельствуют: возбуждение дела о банкротстве на территории РФ; наличие всех кредиторов должника на территории РФ; факт привлечения к субсидиарной ответственности на территории РФ; факт возбуждения уголовного дела на территории РФ; факт регистрации Пудова С. А. в Российской Федерации; наличие имущества и счетов в кредитных организациях на территории РФ; факт участия представителей Пудова С. А. в деле о банкротстве должника и в иных процессах в судах общей юрисдикции [Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда 2022].

При применении принципа центра основных интересов должника следует учитывать, что определение юрисдикции на его основе не должно перекрывать иную юрисдикцию, очевидно более подходящую для возбуждения дела о несостоятельности как с позиции имущественной доступности должника, так и с позиции удобства потенциальных кредиторов. В этой связи авторами оценивается подход, выработанный российскими судами по признанию российской юрисдикции в качестве эффективной вне уже существующей процедуры, возбужденной в суде иного государства [Бараданченкова 2021: 61-62].

Так, Верховный Суд Российской Федерации закрепил подход, согласно которому к компетенции арбитражных судов относятся споры с участием иностранных лиц, осуществляющих неосновную экономическую деятельность на территории Российской Федерации, в случае установления невозможности рассмотрения спора в рамках дела о банкротстве, возбужденного в другой стране, и отсутствия специальных международных договоров по вопросам взаимного признания решений по делам о несостоятельности (банкротстве), стороной которых являлась бы Российская Федерация [Определение Верховного Суда Российской Федерации 2020; Определение Верховного Суда Российской Федерации 2021].

Рассмотренное выше «дело Pandora» представляет интерес еще и в связи с концепцией персонифицированной конкурсной массы. Фактически конкурсное производство было введено в отношении имущественной массы Pandora consulting LC, находящейся в Российской Федерации, на что прямо указывает суд в своем решении: как полагает суд, отказ кредитору в применении предусмотренных российским Законом о банкротстве механизмов, направленных на максимально полное и соразмерное требование кредиторов в отношении находящейся на территории Российской Федерации имущественной массы иностранного юридического лица, ограничивал бы право кредитора на получение эффективной судебной защиты со стороны российского суда. В рассматриваемом случае, как полагает суд, в соответствии с российским законодательством следует провести мероприятия конкурсного производства в отношении именно имущественной массы должника, находящейся или тесно связанной с Российской Федерацией, аналогично институтам банкротства неправосубъектных образований (наследственной массы, крестьянского фермерского хозяйства), а также институту распределения имущества ликвидированного юридического лица.

В этой связи актуальным вопросом в доктрине и практике трансграничной несостоятельности является возможность наличия одновременно нескольких производств в разных государствах в отношении одного должника, порождающая параллельные разбирательства. Основания возникновения параллельных разбирательств в рамках трансграничных банкротств различны:

- возбуждение нескольких процедур банкротства в различных юрисдикциях;
- возбуждение основной и вторичной процедур в различных юрисдикциях;
- возбуждение обособленных споров, непосредственно связанных с основным разбирательством, в юрисдикции, отличной от юрисдикции возбуждения дела о банкротстве.

Вполне реалистичной видится ситуация, когда первоначальный должник был признан несостоятельным в одной юрисдикции (например, в центре основных интересов должника), но свои активы и пассивы он имеет не только в этой (основной) юрисдикции, но и в других (вторичных). Кредиторы вторичных юрисдикций могут требовать возбуждения самостоятельных банкротных дел в отношении имущества, находящегося на территории вторичных юрисдикций, несмотря на то, что лицо уже признано несостоятельным в основной юрисдикции.

И в случае с концепцией модифицированного универсализма, и в случае виртуальной территориальности образуется несколько конкурсных масс, которые имеют своих территориальных кредиторов, получающих удовлетворение строго от своей конкурсной массы. Признание несостоятельной одной конкурсной массы не ведет к автоматическому признанию несостоятельности других вторичных конкурсных масс, что указывает на их автономный характер.

Также вполне возможны несовпадение конкурсообразностей (т. е. когда одно и то же лицо в одной юрисдикции способно быть должником в отношениях несостоятельности, а в другой юрисдикции – нет) или отсутствие конкурсообразности по личному закону юридического или физического лица. Например, если личным законом юридического или физического лица недопустимо введение банкротных процедур в отношении таких лиц, кредиторы других юрисдикций остались бы беззащитными в ситуации их фактической несостоятельности. Решение рассматриваемой проблемы основывается на теории персонифицированной конкурсной массы, в силу которой кредиторы вправе требовать признания несостоятельной именно имущественной массы таких лиц, которая находится на территории соответствующей юрисдикции.

Причины появления параллельных производств в рамках трансграничной несостоятельности могут быть разными. Во-первых, действие той или иной доктрины правового регулирования трансграничной несостоятельности. В доктрине трансграничной несостоятельности сформировались две концепции: территориализма (или территориальности) и универсализма (или единого производства). Принцип территориальности производства означает, что процедуры банкротства исполняются только в той стране, на территории которой они были возбуждены, и суды применяют законодательство соответствующей юрисдикции. Принцип единства процедуры банкротства означает, что возможна только одна процедура банкротства, совершенная в месте ведения бизнеса должника. Российский правовой порядок придерживается концепции территориальности.

Доктрина территориальности предполагает проведение банкротных процедур в отношении одного и того же должника почти или полностью без учета интересов иностранных кредиторов. Потенциально это может влечь за собой возбуждение еще одной параллельной процедуры банкротства в другой юрисдикции.

Во-вторых, причина появления параллельных производств – *forum shopping*, основанный на концепции центра основных интересов. Центр основных интересов должника презюмируется в стране места нахождения должника, однако он может быть и иным, учитывая отмеченные выше факторы. Поскольку в основе конструкции COMI лежат обстоятельства фактического характера, которые могут изменяться, это обусловило возможность появления так называемого банкротного туризма (*COMI-shopping*) – выбор наиболее выгодной локации COMI [Мохова, Яцук, Лиджанова 2020: 97-114].

В международном гражданском процессе существует несколько инструментов устранения дублирующих разбирательств: доктрина *forum non conveniens* (неудобного суда), доктрина *lis alibi pendens*, запрет на предъявление иска в другом суде (*anti-suit injunctions*). Возможно ли применение указанных инструментов в случае трансграничного банкротства?

Доктрина *forum non conveniens* позволяет суду отклонить иск, когда существует удобный альтернативный юрисдикционный орган для разрешения спора. Очевидно, что потенциально такой инструмент вполне может работать в случае с трансграничным банкротством, особенно если суд будет тщательно подходить к определению COMI.

Доктрина *lis pendens* предполагает, что если дело рассматривается в одном суде, то другой суд параллельного разбирательства обязан отказать в рассмотрении дела или приостановить производство. Данная доктрина широко применяется в случае с ординарными спорами, однако в случае с трансграничным банкротством применение ее проблематично в силу необходимости соблюдения условий ее применения: совпадение требований в двух процессах, совпадение сторон и временные параметры (дело в одном суде возбуждено раньше, чем в другом), а также возможности признания судебных актов, вынесенных в рамках дела о несостоятельности в другой юрисдикции [Костин 2019: 120-142].

Запрет на предъявление иска в другом суде (*anti-suit injunctions*) для целей трансграничного банкротства мог бы представлять собой запрет на возбуждение дел о банкротстве, вторичном разбирательстве и обособленных спорах. Вместе с тем даже в странах англосаксонского права вопрос о его применении для целей трансграничного банкротства остается спорным.

Еще одной проблемой трансграничного банкротства является проблема оспаривания сделок, совершенных должником в рамках трансграничной несостоятельности. Институт оспаривания сделок, совершенных должником, в рамках трансграничной несостоятельности и его аналоги на уровне отдельных правопорядков призваны дать арбитражному управляющему удобный инструмент для максимально полного, быстрого и эффективного пополнения конкурсной массы должника и, соответственно, как можно более полного, быстрого и справедливого удовлетворения требований кредиторов. В России, однако, данный институт сталкивается с очевидной недостаточностью правового регулирования. Поэтому мы не найдем в отечественном коллизионном праве специальных правил, регулирующих все вопросы признания недействительными таких сделок. Даже на уровне иностранного законодательства данное направление не получило особого развития и до сих пор остается одним из проблемных. Возможно, это связано с общетеоретическими проблемами недействительности трансграничных (внешнеэкономических) сделок, которые традиционно считаются в международном частном праве сложнейшим правовым институтом.

Одним из главных вопросов, возникающих в рамках недействительности трансграничных «банкротных» сделок, является вопрос о применимом праве. Высказано несколько подходов.

Первый – применение договорного (обязательственного) статута (*lex causae*) к таким сделкам, ранее высказанный в информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16.02.1998 № 29 «Обзор судебно-арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц» и примененный в деле о банкротстве АКБ «ИнтрастБанк» [Определение Верховного Суда Российской Федерации 2021].

Второй – использование специальной коллизионной привязки *lex fori concursus* (право страны открытия процедуры банкротства). Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в постановлении от 12.11.2013 № 10508/13 [Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации 2013] сформулировал правовую позицию (позднее поддержанную на уровне Верховного Суда Российской Федерации в Определении от 07.04.2017 по делу № 309-ЭС14-923 (№ А07-12937/2012), закрепившую приоритет права страны, в которой проводится процедура банкротства [Определение Верховного Суда Российской Федерации 2017]. В настоящее время данная позиция в российской правовой системе является доминирующей.

Вместе с тем предлагается различать две ситуации: 1) ситуации, когда сделки были совершены до введения в отношении должника процедуры банкротства; 2) ситуации, когда сделки были совершены после введения в отношении должника процедуры банкротства [Костин 2021: 197-218]. Во второй ситуации вопрос о наличии (отсутствии) полномочий на совершение указанных сделок предлагается разрешать в соответствии с законодательством государства учреждения должника (литовское право), которым были ограничены полномочия на совершение указанных сделок, на что ранее указывал Высший Арбитражный Суд Российской Федерации [Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации 2013].

На выбор применимого статута влияет и проблема соотношения разных пороков сделки между собой, так называемая «конкуренция составов недействительности». В литературе предлагается использовать разные статуты в зависимости от основания недействительности. В частности, по правилам обязательственного статута предлагается устанавливать основания для признания сделки недействительной в связи с пороком воли и содержания при учете императивных норм права страны суда и императивных норм права третьей страны, с которой сделка имеет тесную связь. А в отношении сделок, совершенных с нарушением требований к субъектному составу, недействительность следует определять на основе личного закона. Таким образом, решение вопроса о действительности сделки может быть подчинено и иностранному праву [Алексеева 2008: 78].

Выбор применения договорного (обязательственного) статута (*lex causae*) или специальной коллизионной привязки *lex fori concursus* является частью более широкой проблемы соотношения сферы недействительности сделок и сферы несостоятельности (банкротства). Высказано мнение, что основным статутом при признании трансграничной «банкротной» сделки недействительной должен являться договорный статут, однако остается проблема обоснования в конкретных случаях необходимого коллизионного правила, а также проблема выработки общих подходов к порокам таких сделок [Полшкова 2021: 147-155]. Данные проблемы нуждаются в пристальном внимании юридического научного сообщества и законодателя, поскольку это напрямую затрагивает интересы российских и иностранных кредиторов и должников.

Таким образом, в настоящее время применительно к трансграничным банкротствам возникает множество спорных вопросов. Помимо вопросов правоприменения возникают и вопросы исполнимости судебных решений, особенно исполнения решений арбитражами недружественных юрисдикций. Возрастающая с каждым годом интеграция российской экономики в мировую делает еще более актуальной необходимость совершенствования

законодательства о несостоятельности иностранных граждан и организаций, унификации правил, направленных на защиту имущественных интересов участников трансграничных банкротных процедур.

Литература

- Алексеева Е. В. Недействительность внешнеэкономических сделок и публичный порядок: проблемы соотношения / Вестник ЧелГУ. - 2008. - № 8. - С. 78.
- Бараданченкова Н. Е. Судебная компетенция при трансграничном банкротстве / Арбитражный и гражданский процесс. - 2021. - № 8. - С. 61-62.
- Костин А. А. Оспаривание сделок в российском суде в рамках иностранного банкротства / Вестник гражданского права. - 2021. - № 1. - С. 197-218.
- Костин А. А. Трансграничное банкротство и международный коммерческий арбитраж в Российской Федерации (процессуальные и материальные аспекты) / Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2019. - № 9. - С. 120-142.
- Мохова Е. В., Яцук Н. П., Лиджанова А. Э. Forum shopping и конкуренция регулирования в трансграничных банкротствах и реструктуризациях / Закон. - 2020 - № 9. - С. 97-114.
- Определение Верховного Суда Российской Федерации от 07.04.2017 по делу № 309-ЭС14-923 (№ А07-12937/2012). URL: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf_ec.php?id=1532748.
- Определение Верховного Суда Российской Федерации от 08.10.2020 № 310-ЭС20-3002 по делу № А83-6324/2018. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-08102020-po-delu-n-310-es20-3002-a83-63242018/>
- Определение Верховного Суда Российской Федерации от 08.11.2021 № 305-ЭС15-15347 (23,24,25) по делу № А40-155329/2014. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-08112021-n-305-es15-15347232425-po-delu-n-a40-1553292014/>
- Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12.03.2018 № 305-ЭС18-552 по делу № А40-15873/2017. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-12032018-n-305-es18-552-po-delu-n-a40-158732017/>
- Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18.02.2021 № 474-ПЭК20 по делу № А83-6324/2018. URL: <https://sudact.ru/vsrfr/doc/Ye7sp0mWPQQj/>
- Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21.03.2023 № 309-ЭС23-1409 по делу № А76-31539/2021. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-21032023-n-309-es23-1409-po-delu-n-a76-315392021/>
- Полишкова М. И. Коллизионное регулирование недействительности сделок должника при трансграничной несостоятельности / Актуальные проблемы российского права. - 2021. - № 1. - С. 147-155.
- Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.07.2016 № Ф05-8738/2016 по делу № А40-186978/2015. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/PP5g93FZu4mB/>
- Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.09.2022 № А40-29232/2020 по делу № А40-29232/2020. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Ky5wXiuMSFgn/>
- Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 22.11.2022 № Ф09-7647/22 по делу № А76-31539/2021. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/VvTxusIEEzxW/>
- Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30.06.2022 № 09АП-36268/2022. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/5q6W7grgRaou/>
- Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.11.2013 № 10508/13 по делу № А40-108528/12-50-1134 / Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. - 2014. - № 4.
- Решение Арбитражного суда города Москвы от 10 октября 2016 г. по делу N А40-186978/2015. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/PP5g93FZu4mB/>
- Трутников С. С. Возбуждение производства по делам о несостоятельности в России и Германии. СПб., 2006.
- Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» / Собрание законодательства РФ. - 28.10.2002, № 43, ст. 4190
- Ярков В. В. Компетенция российских судов по делам о трансграничной несостоятельности / Российский юридический журнал. - 2023. - № 1. - С. 52-64.

References

- Alekseeva, E. V. (2008). Invalidity of foreign economic transactions and public order: problems of correlation. Bulletin of ChelSU, 8, 78 (in Russian).
- Baradanchenkova, N. E. (2021). Judicial competence in cross-border bankruptcy. Arbitration and civil procedure, 8, 61-62 (in Russian).
- Federal Law (2002). On insolvency (bankruptcy). Collection of legislation of the Russian Federation, 43, 4190 (in Russian).
- Kostin, A. A. (2019). Cross-border bankruptcy and international commercial arbitration in the Russian Federation (procedural and material aspects). Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation, 9, 120-142 (in Russian).
- Kostin, A. A. (2021). Challenging transactions in a Russian court in the framework of a foreign bankruptcy. Bulletin of Civil Law, 1, 197-218 (in Russian).

- Mokhova, E. V., Yatsuk, N. P., Lijanova, A. E. (2020). Forum shopping and competition regulation in cross-border bankruptcies and restructurings. *Law*, 9, 97-114 (in Russian).
- Polshkova, M. I. (2021). Conflict of laws regulation of the invalidity of debtor transactions in cross-border insolvency. *Actual problems of Russian law*, 1, 147-155 (in Russian).
- Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 08.07.2016 № F05-8738/2016 on the case of № A40-186978/2015. Available from: <https://sudact.ru/arbitral/doc/PP5g93FZu4mB/> (in Russian).
- Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 29.09.2022 № A40-29232/2020 on the case of № A40-29232/2020. Available from: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Ky5wXiuMSFgn/> (in Russian).
- Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated 22.11.2022 № F09-7647/22 on the case of № A76-31539/2021. Available from: <https://sudact.ru/arbitral/doc/VvTxusiEEzxW/> (in Russian).
- Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 12.11.2013 № 10508/13 in case of № A40-108528/12-50-1134. *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*, 4 (in Russian).
- The decision of the Arbitration Court of the city of Moscow dated 10.10.2016 in the case № A40-186978/2015. Available from: <https://sudact.ru/arbitral/doc/PP5g93FZu4mB/> (in Russian).
- The decision of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated 30.06.2022 № 09АП-36268/2022. Available from: <https://sudact.ru/arbitral/doc/5q6W7grgRaou/> (in Russian).
- The determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07.04.2017 in the case of № 309-ЭС14-923 (№ A07-12937/2012). Available from: https://www.vsrp.ru/stor_pdf_ec.php?id=1532748 (in Russian).
- The determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12.03.2018 № 305-ES18-552 in the case of № A40-15873/2017. Available from: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-12032018-n-305-es18-552-po-delu-n-a40-158732017> (in Russian).
- The determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 21.03.2023 № 309-ES23-1409 in the case of № A76-31539/2021. Available from: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-21032023-n-309-es23-1409-po-delu-n-a76-315392021/> (in Russian).
- The determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08.10.2020 № 310-ES20-3002 on the case of № A83-6324/2018. Available from: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kolleгии-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-08102020-po-delu-n-310-es20-3002-a83-63242018/> (in Russian).
- The determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 18.02.2021 № 474-PEC20 in the case of № A83-6324/2018. Available from: <https://sudact.ru/vsrp/doc/Ye7sp0mWPQqj/> (in Russian).
- The determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08.11.2021 № 305-ES15-15347 (23,24,25) on the case of № A40-155329/2014. Available from: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-08112021-n-305-es15-15347232425-po-delu-n-a40-1553292014/> (in Russian).
- Trutnikov, S. S. (2006). *Initiation of insolvency proceedings in Russia and Germany*. St. Petersburg (in Russian).
- Yarkov, V. V. (2023). Competence of Russian courts in cases of cross-border insolvency. *Russian Law Journal*, 1, 52-64 (in Russian).

Citation:

Кирюшина И. В., Коваленко Е. Ю. Трансграничное банкротство: понятие, основы правового регулирования, практика правоприменения // *Юрислингвистика*. – 2024. – 31. – С. 27-33.

Kiryushina I. V., Kovalenko E. Y. (2024) Cross-Border Bankruptcy: Concept, Fundamentals of Legal Regulation, Law Enforcement Practice. *Legal Linguistics*, 31, 27-33.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License